

Логиновская Татьяна Михайловна

учитель

МБОУ СОШ №93

г. Нижний Новгород, Нижегородская область

магистрант

ФГБОУ ВО «Армавирский государственный
педагогический университет»

г. Армавир, Краснодарский край

Геворгян Гаяне Аршалуйсовна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Армавирский государственный
педагогический университет»

г. Армавир, Краснодарский край

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА КУБАНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

***Аннотация:** в статье анализируется процесс заселения и освоения Кубани во второй половине XIX в. различными социальными группами, среди которых преобладали казаки и русские крестьяне. В рамках рассмотрения данной проблемы обозначаются изменения в социально-этнической картине региона, связанные с вытеснением коренного горского населения и значительным увеличением пришлого. Обращается внимание на возникшие противоречия между казаками и иногородними, предпринимаемые со стороны царской администрации попытки урегулировать эту ситуацию. Дается оценка результатам процесса переселения на Кубань к началу XX в.*

***Ключевые слова:** переселенческое движение, колонизация, социально-этнические процессы, казаки, горцы, иногородние, Кубань.*

Социально-этнические процессы представляют собой совокупность изменений, происходящих в этнической структуре общества под воздействием социальных факторов. С точки зрения развития Кубани во второй половине XIX в. дан-

ные процессы характеризуются существенным изменением состава народонаселения, при котором пришлое население начинает заметно преобладать над коренным. Особенно быстро эти процессы пошли после окончания Кавказской войны, когда царское правительство осуществляло меры по окончательному превращению Северного Кавказа в один из подчиненный центру регион страны, его хозяйственному и культурному освоению. С этой целью в 60-е гг. была продолжена военно-казацкая колонизация Предкавказья и расширение здесь русских поселений.

В 1860 г. казацкие селения Черноморского войска, Береговой Черноморской линии, Лабинской, или Новой, и Старой линий по верхней Кубани и ее притокам были объединены в одно целое и составили Кубанское войско с единой территорией – Кубанской областью. В 1863 г. в результате военно-казацкой колонизации Закубанья было основано 200 станиц с населением в 3541 семейств. Одновременно происходило вытеснение горцев в Турцию и на южный склон Кавказского хребта. Это выселение, как отмечал М.И. Венюков, «передало весь край по Белую окончательно во власть русского населения и оставило туземцам лишь немногочисленные приюты, в которых они не находят хлебных запасов, ни трав, ни построек для помещения себя и скота продолжении зимы.... Вся численность племени Адыге между Кубанью и Белой теперь не превышает 8800 душ, три года назад она была впятеро больше до 45 тыс.» [2, с. 23, 26].

В последующие годы переселение приостановилось. Этому способствовали, в том числе сведения, поступающие из Турции о тяжелом положении переселившихся горцев, слухи о намерении царского правительства завершить земельную реформу в крае. Убедившись, что стремление горцев к переселению в Турцию вызвано, в том числе трудным экономическим положением, кавказская администрация заняла более реалистическую позицию. В октябре 1897 г. по Кубанской области было разослано распоряжение атамана о запрещении выдачи увольнительных удостоверений лицам, добивавшимся поездки в Турцию.

Естественно, что официально проводимая политика, способствовавшая резкому сокращению численности автохтонного населения края, не могла восприниматься им положительно и одновременно влекла за собой кардинальные изменения в его образе жизни, быте и хозяйственных занятиях. По мнению З.Я. Емтыль, «ориентация на ассимиляцию в равной степени была присуща как государственной политике России, так и обыденному сознанию, что соответствовало «уподобительной силе русского народа», претворявшей в плоть и кровь инородцев, с которыми она приходила в соприкосновение или столкновение. Развивалась идеология, обосновавшая, что участь маленьких народов, вкрапленных в государственный механизм России – ассимилироваться с державной национальностью» [4, с. 74].

Наряду с вытеснением коренного населения с каждым годом население Кубани пополнялось русскими переселенцами. Большинство жителей новых станций состояло из казаков и других военно-служилых элементов. Структура переселенцев была такова: 58,9% приходилось на долю кубанских казаков, 25,3% – на долю казаков других войск и отставных военных, 15,8% – государственные крестьяне и представители других сословий [6, с.422].

Следует отметить, что несмотря на некоторые ограничения и в это время доступ в казачество был открыт не только для русских, но и для представителей других народов. *Например, в послужном списке легендарного командира 1-го Полтавского кошевого атамана Сидора Белого полка Кубанского казачьего войска (1910–1915 гг.), командира 2-й Кубанской казачьей бригады сводной Казачьей дивизии (1915–1917), генерал-майора Эльберта Асмарзиевича Нальгиева, этнического ингуша, записано: из казаков Терской области, вероисповедания магометанского* [8, с. 178].

В годы Кавказской войны стратегические цели заселения Кубани русским элементом превалировали перед целями экономическими. И только после замирения Западного Кавказа начинает происходить некоторая перестановка селений и перераспределение жителей в соответствии с экономическими требованиями.

С начала 1870-х гг. начинается новый этап колонизации Северо-Западного Кавказа, которая определяется в отечественной историографии как мирная земледельческая, торгово-промышленная, гражданская.

Официально признав существование в стране крестьянского малоземелья, правительство приступило к выработке нового законодательного механизма его разрешения. 13 июля 1889 г. был издан общий переселенческий закон, оцененный современниками «скорее как сдерживающий, нежели поощряющий переселение». Согласно его основным положениям, крестьяне лишались права самостоятельного переселения, их поземельное устройство не было точно определено, а наиболее «пригодными» переселенцами признавались только «крепкие хозяева» [3, с. 278].

Переселенческая политика на Северо-Западном Кавказе «сводилась к необходимости постановки на очередь вопроса не об открытии региона для переселения, а о заселении в пределах возможности имеющихся в нем свободных земель русским элементом» [1, с. 57]. В 1880-е гг. усиливаются массовые миграции на Кубань жителей внутренних российских губерний. Столь «широкий» наплыв переселенцев объяснялся, с одной стороны, совпадением двух потоков миграций – самочинной (стихийной) и правительственной, а с другой – необходимостью экономического освоения края. Поиск лучшей доли в условиях малоземелья и безземелья, а также отсутствие необходимых заработков заставлял крестьян целыми селениями «сниматься с насиженных мест и переселяться в неведомые им края». Переселенцы не представляли собою однородной социальной массы и по действовавшему в крае законодательству должны были быть отнесены к «иностранному» или невойсковому населению.

С самого начала между иногородними и местными казаками возникли острые противоречия. Как отмечает И.М. Федина, «осознание казачеством своей обособленности и исключительности повлекло за собой противопоставление пришлому населению, именуемых «иностранцы» или «городовики». И на многие поколения одним из важных факторов существования кубанской станицы

стала сословная регламентация, которая определялась лишь двумя классами – казаками и иногородними [9, с. 175].

В 1880–1890 гг. принимается ряд постановлений, запрещавших иногородним возводить на территории Кубанской области новые постройки без согласия властей, а также ужесточающих их ответственность за неуплату «посаженной платы». Вместе с тем, широкое распространение получила практика выдворения за пределы области иногородних, не имевших соответствующих документов «на жительство». «В ходе облав с 1 июля 1888 г. по 1 января 1893 г. на родину было отправлено 1010 человек иногородних» [1, с. 127]. Наряду с этими мерами разрабатывались положения по ограничению пользования иногородними землей.

Вместе с тем, несмотря на административные ограничения, число иногородних на Кубани с каждым годом увеличивалось. Об этом свидетельствуют следующие данные: в 1861 г. пришло крестыян на Кубани было 5,2 тыс. человек, через 20 лет их число возросло до 236,8 тыс. К 1890 г. число иногородних поселенцев почти удвоилось и крестыянство на Кубани стало преобладать над казачеством [5, с. 185]. К началу XX в., по данным переписи 1897 г., население Кубанской области составляло 1918881 человек. В этнической структуре области большую часть населения составляли украинцы (47,36%), затем шли русские (42,56%), черкесы (2,01%), карачаевцы, немцы и греки, на долю которых приходилось чуть более 1% [7, с. 72].

Несмотря на ряд трудностей, вызванных непривычностью климатических условий, постоянно растущими административными ограничениями, препятствовавшими хозяйственной активности мигрантов, переселенцы внесли значительный вклад в экономическое и культурное развитие региона. В 1880–1890-е гг. произошло превращение Кубанской области в хлебную житницу империи, наблюдался интенсивный рост городов, население которых теряло свой сословно-аграрный облик и все больше вовлекалось в сферу торгово-промышленной деятельности.

Список литературы

1. Бурыкина, Л.В. Переселенческое движение на Северо-Западный Кавказ в 90-е годы XVIII–XIX века [Текст] / Л.В. Бурыкина. – Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2002. – 207 с.
2. Венюков М.И. Очерк пространства между Кубанью и Белой // Записки императорского русского географического общества [Текст] / М.И. Венюков; под ред. К.Н. Бестужева-Рюмина. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1863. – Кн. 2. – 71 с.
3. Денисова Н.И. Адыги Кубанской области под контролем административно-политической системы [Текст] / Н.И. Денисова, Т.П. Хлынина // История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в. В 2 т. Т.1. – Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2009. – С. 251–294.
4. Емтыль З.Я. Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX в. – начала 30-х гг. XX в [Текст] / З.Я. Емтыль. – Краснодар: Издательский Дом-Юг, 2010. – 352 с.
5. История Кубани с древнейших времен до конца XX века [Текст] / А.В. Баранов, А.Н. Еремеева, А.В. Жинкин [и др.]: В. 2 ч. Ч. 1: С древнейших времен до 1917 года. – Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2011. – 280 с.
6. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации [Текст] / М.К. Любавский. – М.: МГУ, 1996. – 688 с.
7. Матвеев О.В. Этнические миграции на Кубани: история и современность [Текст] / О.В. Матвеев, В.Н. Ракачев, Д.Н. Ракачев. – Краснодар: КубГУ, 2003. – 200 с.
8. Сампиев И.М. К вопросу о казачьей идентификации и самоидентификации [Текст] / И.М. Сампиев, С.И. Акиева, Р.К. Касымханов // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №2. – Ч. 3. – С. 176–180.